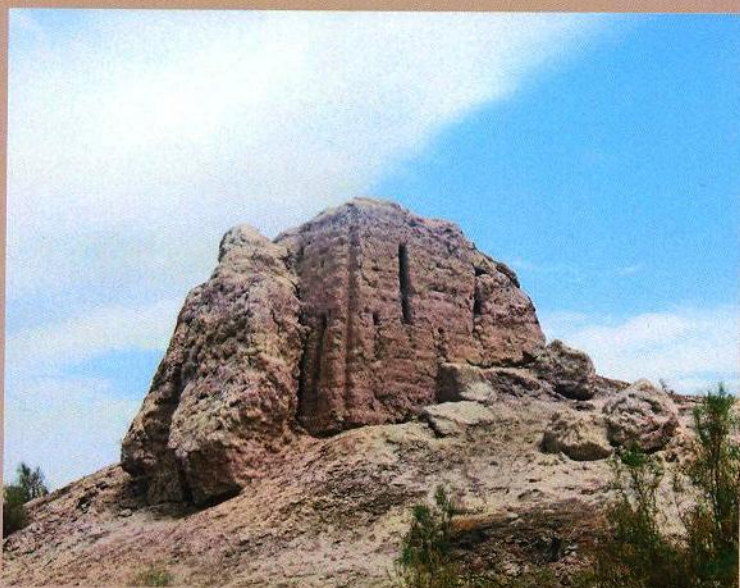


ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА
LXXV



БУХАРСКИЙ ОАЗИС
И ЕГО СОСЕДИ
В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Санкт-Петербург • 2015

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА
LXXV

**БУХАРСКИЙ ОАЗИС И ЕГО СОСЕДИ
В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

На основе материалов научных конференций
2010 и 2011 гг.

Санкт-Петербург
Издательство Государственного Эрмитажа
2015

Н. Ж. Сапаров (Нукус), А. И. Торгоев (Санкт-Петербург)

ТАЛЬКОХЛОРИТОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ ПАЙКЕНДА IX–XI ВВ.
(К ВОПРОСУ О БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ ВЛИЯНИЯХ
В МАВЕРАННАХРЕ)

Находки посуды и изделий из тальковых пород камня, который в публикациях называют по-разному: стеатит, талькохлорит, «горшечный камень»¹, встречаются на средневековых памятниках Согда, Тохаристана и Хорезма, и их нельзя относить к редко встречаемым категориям материальной культуры.

За более чем тридцатилетний период раскопок Пайкенда накопилась значительная по количеству коллекция изделий из тальковых пород камня². Она представляет интерес вследствие того, что хотя они найдены в разных стратиграфических условиях, комплексы, из которых они происходят, по большей части хорошо датированы в рамках коротких временных интервалов. Это позволяет обратиться к вопросу о времени появления определенных типов посуды и изделий из талькохлорита как в Пайкенде, так и на территории Согда в целом.

На сегодняшний день в археологии Средней Азии не существует какой-либо системы классификации средневековых изделий из талькохлорита, неоднозначными и спорными остаются вопросы их датировки, особенно времени появления ряда массовых типов кухонной посуды. Неясным остается и вопрос о местах производства посуды и утвари из «горшечного камня». Материалы Пайкенда, где исследованы значительные по площади участки городской застройки IX–XI вв., позволяют пролить свет на эти вопросы. Настоящая статья задумана с целью систематизировать имеющийся материал и наши знания об изделиях из талькохлорита.

Классификация каменных изделий

Каменные изделия Пайкенда можно разделить на две категории: кухонную посуду и изделия специального назначения. В первую категорию входят котлы и сковороды. Вторая представлена светильниками, курильницами и литейными формами.

¹ Специальных анализов на определение пород практически не делалось, поэтому в настоящей работе мы будем называть изделия из талькового камня талькохлоритовыми. В публикациях отчетов БАЗ эти изделия называли стеатитовыми. В англоязычной литературе для изделия из талькового камня принято употреблять слово «soapstone». В русскоязычной литературе подобное название – мыльный камень – обычно применяется к изделиям из агальматолита.

² Авторы сердечно благодарят И. К. Малкиеля за возможность использовать неопубликованные материалы раскопок, проведенных под его руководством на Шахристане II городища Пайкенда.

Котлы и сковороды

Котлы каменных котлов можно выделить на основании их формы.

К первому типу следует отнести котлы с цилиндрическим корпусом – самая многочисленная находка в Пайкенде (ил. 1, 1–6; 2, 3, 11; 3, 1–5, 8–11). Размеры варьируются: в среднем диаметр котлов составляет 20–26 см; высота разнится, встречаются как высокие экземпляры, у которых диаметр тулова почти в два раза меньше полной высоты со дна, так и низкие. Характерной особенностью являются ручки, расположенные ближе к тулову, на высоте, как правило $1/3$ корпуса от него. Ручки всегда строго горизонтальные, обычно в форме полумесяца; дно плоское.

Второй тип представлен котлами с усеченно-коническим туловом (ил. 3, 6, 7; 4, 2, 3); дно, как правило, слегка выпуклое. Они встречаются реже, чем котлы первого типа; целых экземпляров или обломков, дающих представление о высоте изделий, найдено не было.

На котлах этого типа чаще встречается орнаментация, хотя разнообразием она не отличается. Один крупный обломок дна со стенками украшен прорезным орнаментом в виде равнобедренных треугольников, вершины которых направлены вверх (ил. 4, 3). Наиболее простым способом декорирования является нанесение концентрических и волнистых линий. Под венчиком нередко встречается орнаментация в виде двух врезных линий, проходящих ниже закраины, параллельно ей (ил. 3, 6; 4, 1). Такие же полосы под венчиком известны на котлах с цилиндрическим туловом (ил. 1, 1), в одном случае на венчике котла первого типа есть орнамент из концентрических кружков, разделенных двумя параллельными поперечными резами (ил. 3, 1). Корпус некоторых котлов и светильников покрыт косыми штрихами, которые, однако, сами по себе представляют собой орнаментацию.

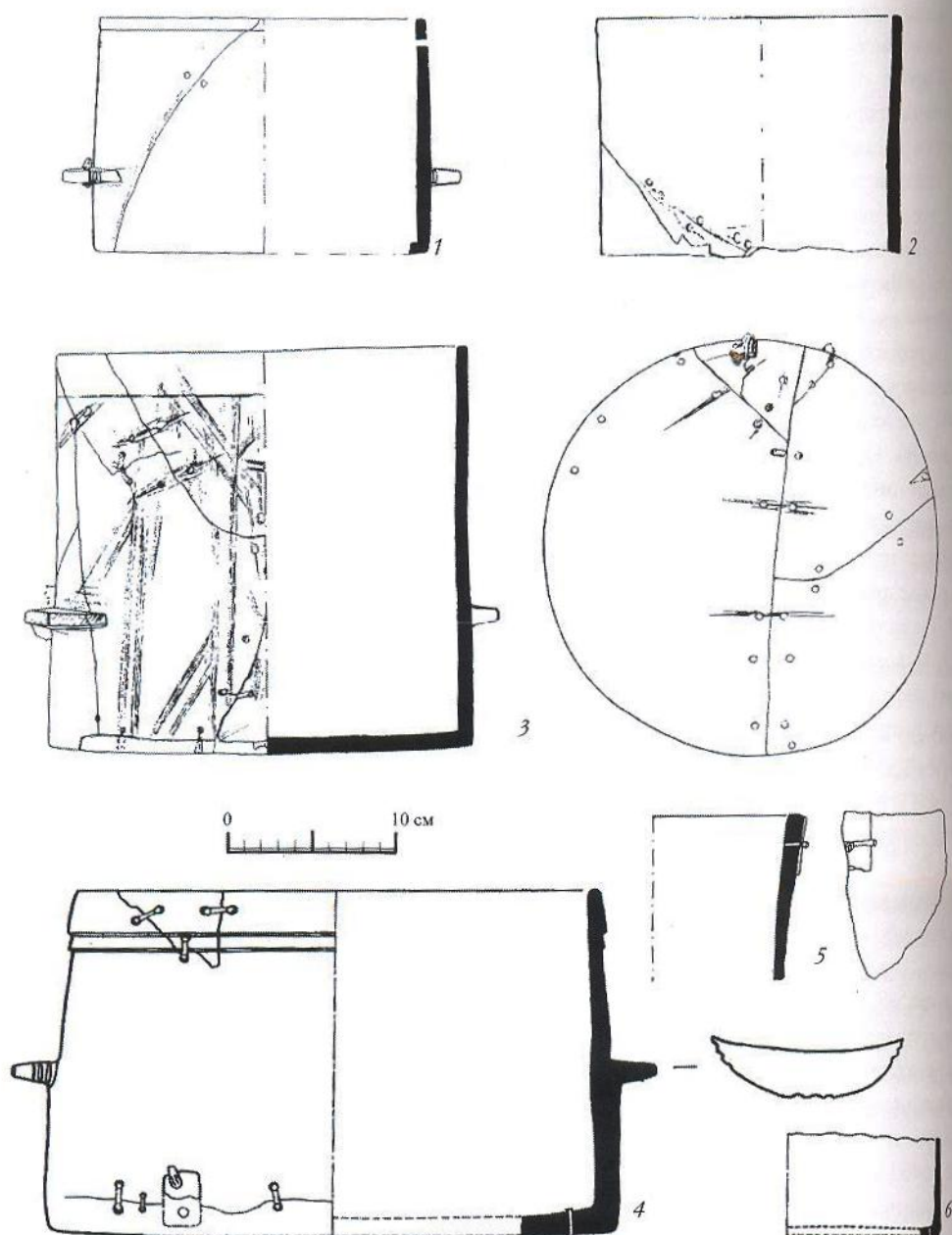
Единственный обнаруженный небольшой фрагмент изделия типа *сковородки*, диаметром 7 см при высоте 2,2 см, имеет форму слабо расширяющегося к верху конуса (ил. 4, 1).

Курильницы представлены фрагментами, ни одного целого изделия нет. У известного главным образом на Ближнем Востоке (Roads of Arabia 2010. Cat. 258) целых экземпляров – резервуар круглой или квадратной формы, от которого отходит горизонтальная ручка³. Сделаны они явно в подражание металлическим образцам. В Средней Азии такие курильницы известны в основном в юго-западных регионах, в то время как, например, в Семиречье и Фергане, судя по публикациям, нет ни одной находки даже фрагмента курильницы. Единственный целый резервуар курильницы найден на Афрасиабе (Искусство и искусство 1991. Кат. 647).

В доме I у башни 8 Шахристана II Пайкенда была обнаружена половина резервуара курильницы. В плане она была квадратной, внутри резервуар имеет круглую форму. Характерно наличие невысоких ножек на углах квадрата. У этого экземпляра частично сохранилась прямоугольная в сечении ручка, нижние грани которой сточены наискось. Плоскости граней, прилегающие к углам, в том числе и на ножках, украшены циркулярным орнаментом (ил. 5, 1).

Другой фрагмент курильницы тоже имел квадратную форму, но внутри резервуар был оформлен фестонами. На углах и в центре каждой из сторон – выступающие «пишты», образованные тем, что у квадратной заготовки были сделаны симметричные

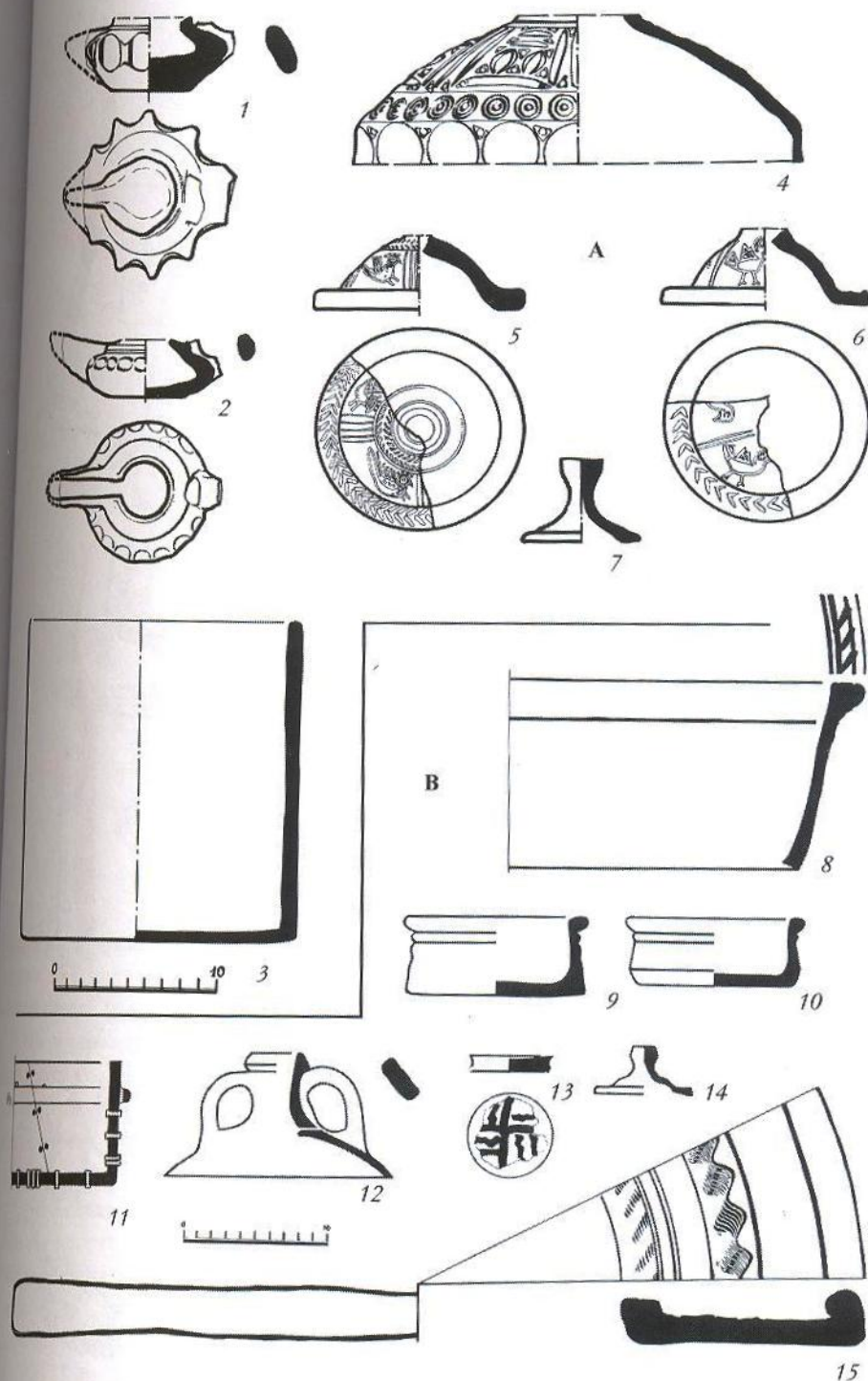
³ В отчетах БАЭ и в каталоге выставки «Кочевники на пути к империи» фрагменты курильниц были неправильно интерпретированы как чернильницы (МБАЭ V. Рис. 88, 4; Кочевники Евразии 2012. Кат. 659).



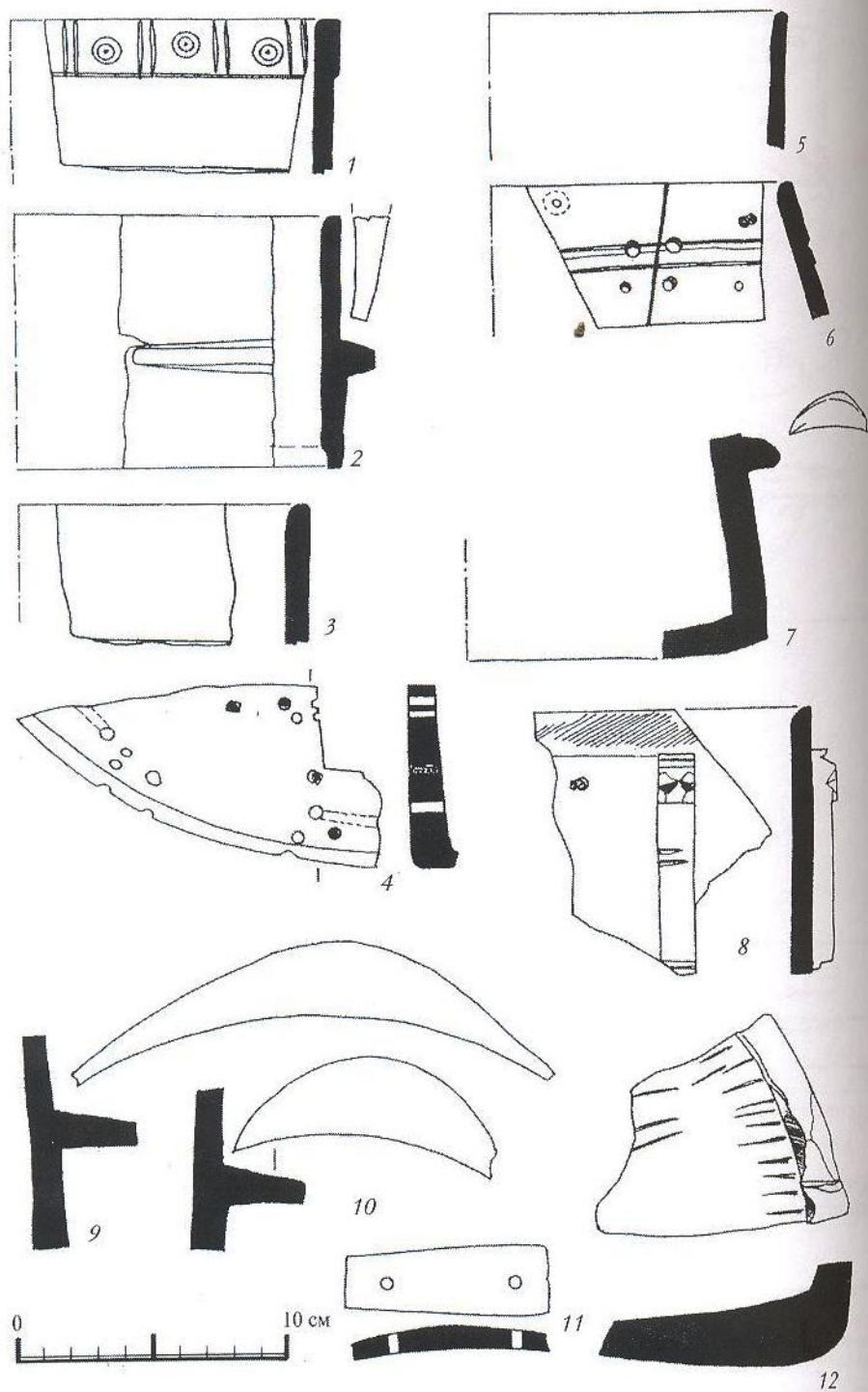
Ил. 1. Талькохлоритовые котлы первого типа

вырезы по обе стороны от оставленного центрального «пилястра». Сверху угловые «пилястры» оформлены как трилистники, украшенные характерным пунсонным орнаментом в виде кружка с точкой в центре (ил. 5, 2).

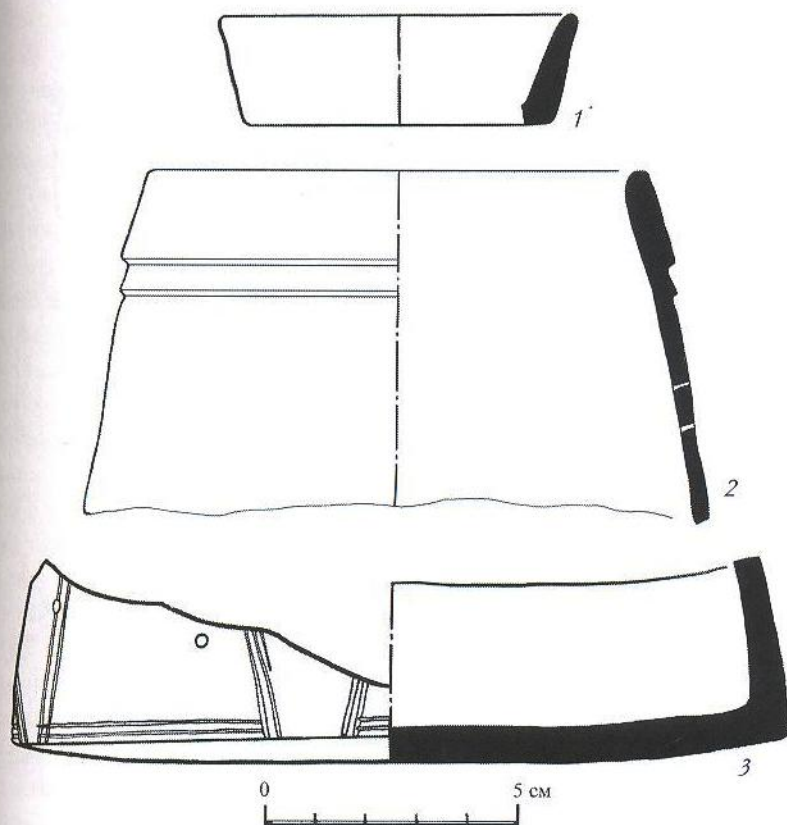
На улице «А» Шахристана II, из слоя второй четверти XI в., происходит фрагмент тонкостенной курильницы с круглым резервуаром. У него сохранилась часть «пилястра»,



Ил. 2. Ранее не опубликованные археологические комплексы с находками котлов первого типа
 А – Пайкенд 1990. Центральный раскоп. Из заполнения мусорной ямы вдоль северной улицы
 (Семенов, Малкиель 1991. Рис. 33); В – Пайкенд 1990 г. Центральный раскоп. С I (верхней)
 поверхности центральной улицы (Семенов, Малкиель 1991. Рис. 24)



Илл. 3. Фрагменты каменных котлов из мастерских, специализировавшихся на их ремонте-лавок V и VI, расположенных в торговых рядах на улице «А» Шахристана II

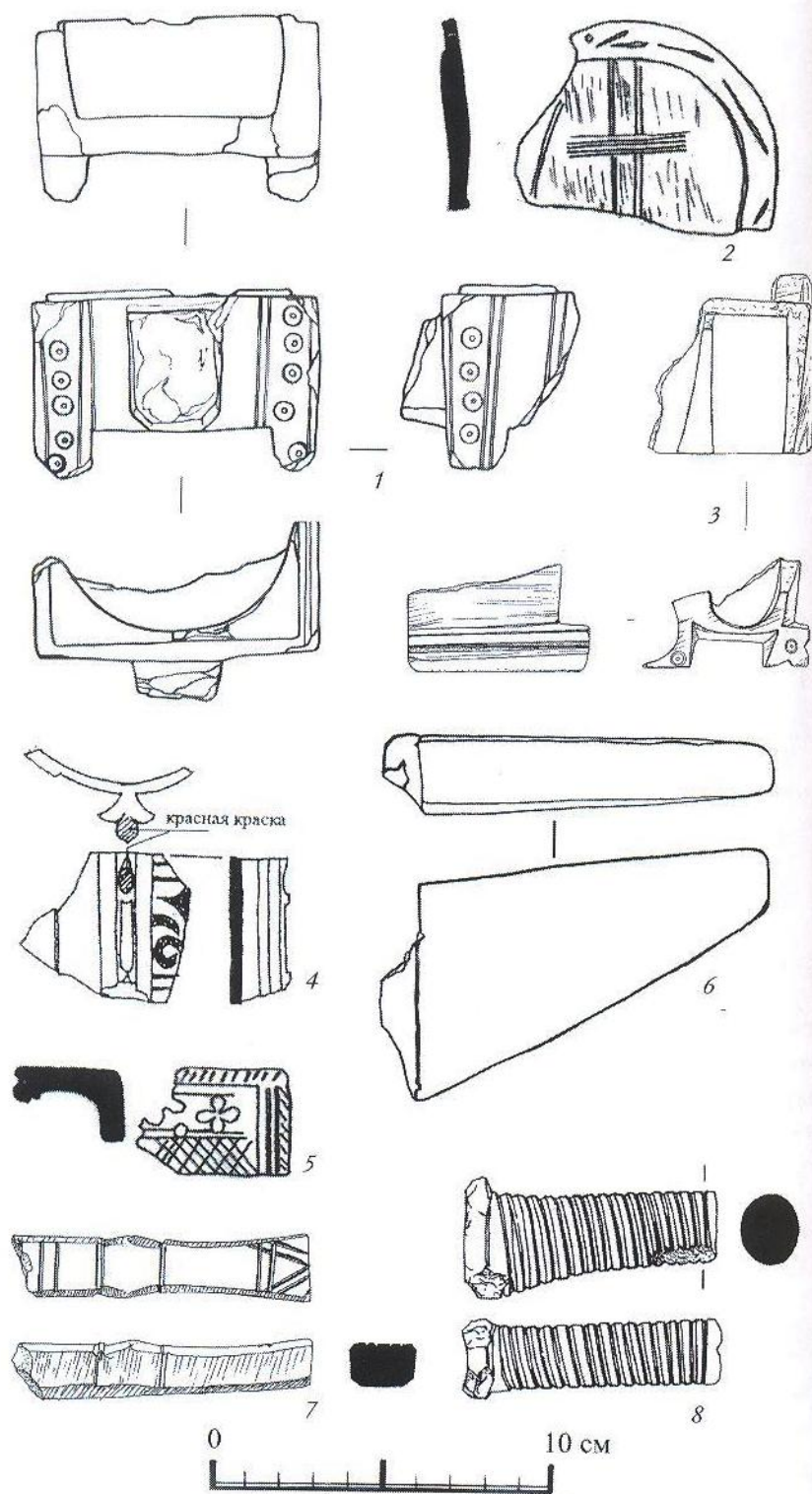


Ил. 4. Талькохлоритовые котлы второго типа и сковородка

сверху и в сечении имеющего вид трилистника. На верхней плоскости центрального лепестка трилистника и на слегка подточенном центральном ребре отмечены пятна красной краски (ил. 5, 4).

Ручки курильниц довольно короткие — от 6,8 до 10,5 см. За все годы раскопок обнаружено только несколько предметов, которые могут быть надежно атрибутированы как ручки курильниц. В слое первой половины XI в. на Шахристане I найдена овальная ручка, украшенная сплошной спиральной нарезкой (ил. 5, 8). Другая ручка имеет форму вытянутого треугольника, с опиленной вершиной на длинной стороне (ил. 5, 6). Также встречена ручка в форме узкого, вытянутого прямоугольника с вырезанным в центре шестигранником (ил. 5, 7). В части, ближней к резервуару, она сверху украшена двумя параллельными чертами, а на торце — треугольником, стороны которого проведены двойной линией. Этот орнамент напоминает узор на котлах второго типа.

В 1998 г. на раскопе Шахристан I в одной из лавок XI в. был найден фрагмент прямоугольного каменного изделия, украшенный, судя по тексту отчета, крестовидными прорезями (ил. 5, 5). К сожалению, это изделие осталось известно нам только по схематичному рисунку Н. М. Омарова и, скорее всего, представляло собой фрагмент



Ил. 5. Обломки курильниц из талькохлорита

свильницы с квадратным резервуаром внутри (Семенов, Малкиель, Адылов, Омаров 2010. Рис. 26, 3). Судя по приведенному в отчете сечению, резервуар мог иметь фенетричные очертания. В том же году, в верхних слоях дома Па, с комплексом керамики X – первой трети XI в., был найден фрагмент плоского круглого изделия из талька, также известный только по рисунку (ил. 5, 2) (Там же. Рис. 26, 4). На внешней поверхности прочерчен крестовидный орнамент. Изделие имеет кайму по краю, которая выделяется, поскольку тоньше основного поля. Вполне возможно, что это крышка свильницы, т. к. ее диаметр полностью совпадает с диаметром резервуаров курильниц.

Каменные светильники в форме утюжка

Пока найдено пять таких предметов и их фрагментов. Они определяются как светильники, т. к. носик их, как правило, сильно закопчен. Их абрис (прежде всего, слегка выпуклый бока, которые и дают ассоциацию с формой утюга) аналогичен форме рожков многорожковых светильников, известных на Ближнем Востоке уже в первые века нашей эры (Roads of Arabia 2010. Cat. 281). Светильники в форме утюжка довольно сильно различаются в размерах: длина колеблется от 7,8 см до 15 см (ил. 6, 1–4). По-разному оформлены торцовые стороны изделий. У одного экземпляра, происходящего из верхнего слоя раскопа П на площадке перед цитаделью, есть плоская горизонтальная трехлопастная ручка (Галиева, Наймарк, Эрлих 1986. Л. 32; ил. 6, 5). У другого, мелкого светильника (МБАЭ Х. Рис. 94), на торцовой стороне в середине выступает вертикальный треугольный «пилястр» (ил. 6, 3), функциональное назначение которого не ясно. Вполне возможно, что это просто декоративный элемент.

Многорожковые светильники (ил. 7)

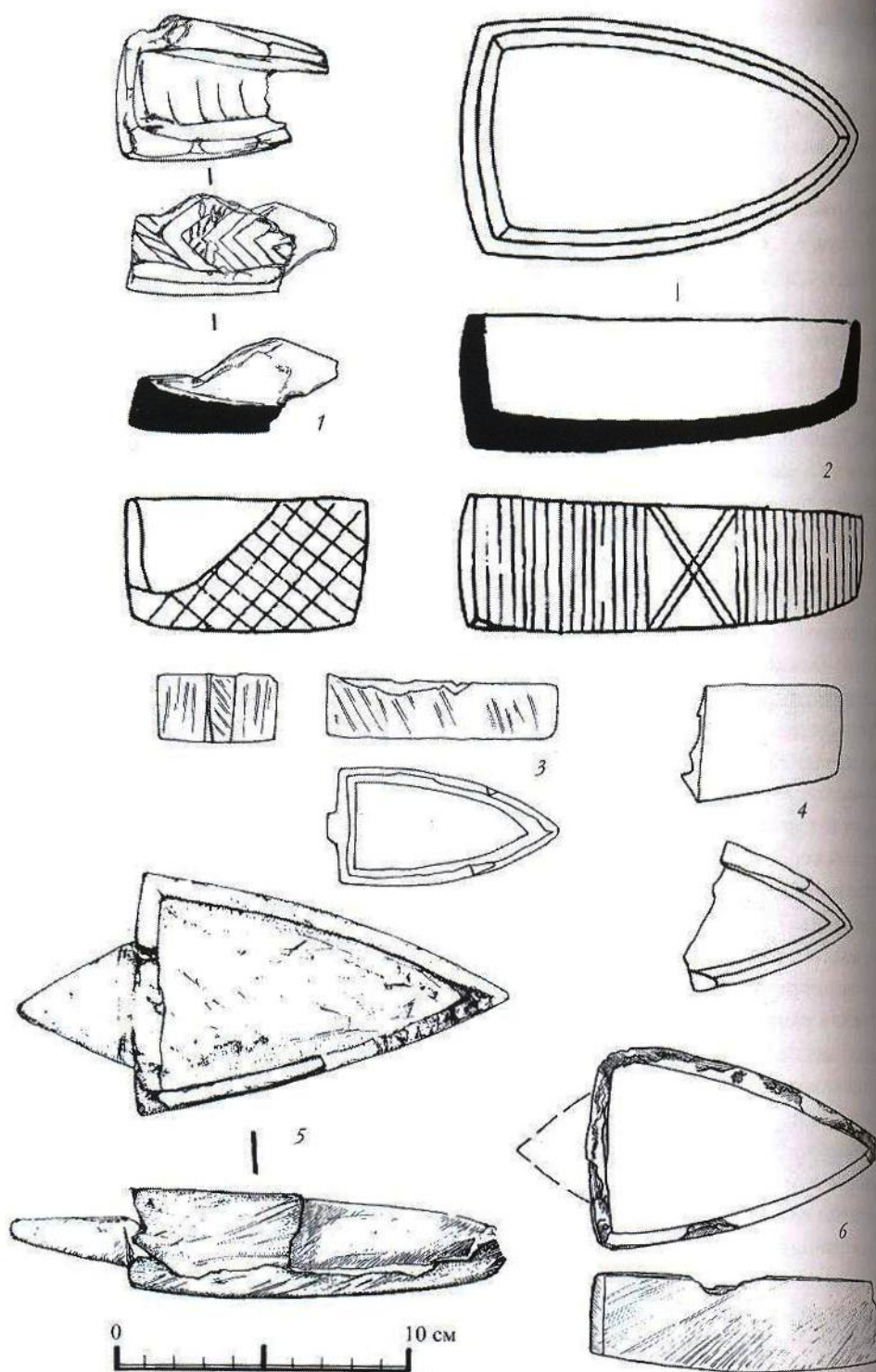
Кроме светильников в форме утюжка, в Пайкенде, на объекте Шахристан II – Башня 1–10, в верхних слоях были найдены фрагменты многорожковых светильников. Предмет в помещении 2 дома XII (МБАЭ V. Рис. 88, 1) имел круглый (внутри) резервуар для масла, от которого отходят открытые рожки треугольной в плане формы (ил. 7, 2). От другого многорожкового светильника сохранился только один рожок в виде вытянутого треугольника (МБАЭ I. Рис. 144, 10), одна из сторон которого почти втрое короче остальных (ил. 7, 1). На внешних сторонах этого рожка имеется процарапанный орнамент в виде завитков, а в короткой стороне просверлено отверстие для подачи масла.

По керамическим материалам и монетам слой, из которого происходят светильники, датируется в рамках первой половины XI в.

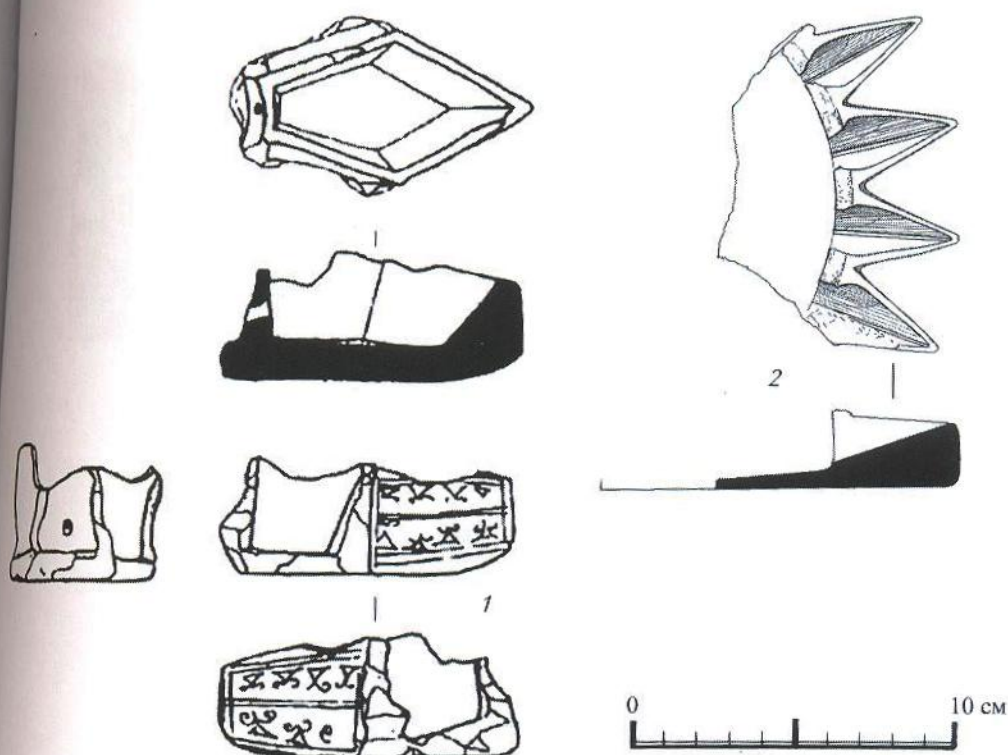
Литейных форм найдено было всего две, их описание представлено в разделе, посвященном хронологии тальковых изделий.

Хронология

Наиболее ранним изделием из талькохлорита следует признать литейную форму, найденную при раскопках лавки III (ил. 8, 1), на базаре на центральной улице. Он был обнаружен в слое засыпки внутренности суфы позднего периода (МБАЭ VII. С. 22, 23). В более ранний период, пол которого покрывает эта засыпка, в данном помещении также существовала широкая суфа. В последней была устроена овальной формы яма, на дне которой находилось округлое углубление – след от основания какого-то станка, вероятно, токарного. Слой засыпки суфы изобилует фрагментами керамики, найдено было и тулово стеклянного сосуда. Из этого слоя также происходило много пиленных рогов со снятым верхним слоем и обработанных трубчатых костей животных (МБАЭ VII. С. 23. Рис. 43а, б) – отходы косторезного производства.



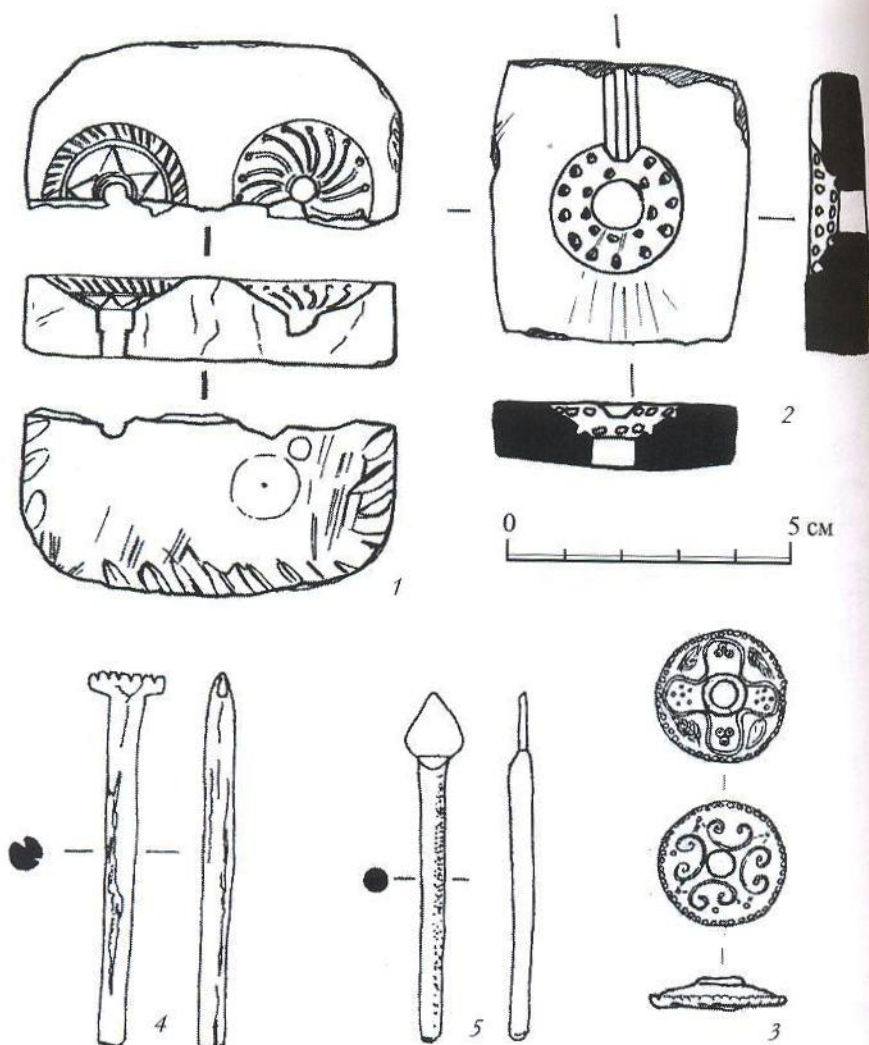
Ил. 6. Святильники в виде утожков



Ил. 7. Обломки многорожковых светильников

Фрагмент литейной формы из талькохлорита имеет прямоугольную форму со скругленными краями, размером $5,4 \times 2,5 \times 1,4$ см. На лицевой стороне вырезаны два конических углубления диаметром по 2,1 см, со сквозными отверстиями в центре. Отверстия в разрезе имеют уступчатую форму, с тыльной стороны диаметр их 0,4 см, с высоты 0,5 см отверстия дают уступ, который в свою очередь с высоты 1 см резко переходит в углубления усеченно-конической формы. Оба углубления украшены прорезным орнаментом. В одном из них видны два орнаментальных пояса: нижний представляет собой розетку с лучами треугольной формы; верхний, отделенный от нижнего бороздкой, украшен наклонными насечками. Второе углубление орнаментировано резными линиями, закрученными в вихревую розетку с точками на концах. На тыльной стороне по краю формы проходит цепочка косых насечек. У выхода одного из отверстий циркулем прочерчен кружок диаметром 1 см; у скола заметен остаток еще одного кружка.

В засыпке попадались только мелкие тахиридские фельсы, ни один из которых прочесть не удалось, поэтому для обоснования даты следует кратко остановиться на характеристике керамического материала. В комплексе посуды преобладали формы, которые не встречаются в слоях заупустения города. Глазурованная керамика представлена только фрагментом ножки какого-то кубковидного сосуда, покрытого зеленой поташной поливой (МБАЭ VII. Рис. 51, 12). Из характерных форм следует также



Ил. 8. Литейные формы для отливки пуговиц, пуговища и орнаменты.

- 1 – Пайкенд 2005, из заполнения между вторым и третьим полом в помещении 2 лавки III;
 2 – Пайкенд 1940, из раскопок В. Н. Кесаева над «аптекой» (Государственный Эрмитаж, Инв. № СА-4130); 3 – Пайкенд 1996, из ямы на улице у входа в дом II;
 4, 5 – Пайкенд 2005, со второго пола лавки V.
 1, 2 – талькохлорит, 3 – свинец или олово, 4, 5 – бронза

отметить большое количество фрагментов богато украшенных кувшинов с треугольным в сечении венчиком, с коленчатыми ручками, чаще овальными в сечении. Обычно ручки имеют несколько бороздок на верхней плоскости (Там же. Рис. 51, 5–7). Среди ручек попадались и двусоставные ложно витые экземпляры, украшенные круглыми штампованными налестями (Там же. Рис. 51, 9). Было найдено довольно много крупных фрагментов керамических кружек с округлым плечиком и цилиндрическим горлом (Там же. Рис. 52, 13–15, 17, 20). Многочисленны фрагменты фляг-мустахара с наклонно поставленным горлом и выпуклой верхней частью (Там же. Рис. 51, 13–16).



Ил. 9. Обломок котла из талькохлорита из коллекции Б. Н. Кастальского (Государственный Эрмитаж. Инв. № СА-1379).

Комплексы такого типа характерны для периода, когда в Пайкенде происходит смена керамической традиции, связанная с усилившимся влиянием прежде всего Хорасана. Местные традиции керамического производства, характерные для керамики VIII в., отразились лишь в сохранении некоторых форм, трансформировавшихся под новый стиль. Это, прежде всего, касается кружек, генезис которых явно связан с раннесредневековой согдийской керамикой, фляг и оформления верха водоносных кувшинов. Как показывает стратиграфия улиц, где слои не нарушены перекопами, в комплексах середины X в. уже преобладают кувшины с двусоставными ручками, украшенные разнородными штампованными налепами. Местные же формы, генезис которых усматривается в керамике VIII в., также довольно сильно перерабатываются. На улицах Пайкенда такие комплексы покрывают слои с керамикой позднего VIII – начала IX в. Таким образом, слой засыпки может быть датирован в рамках второй половины IX – первой половины X в.

Еще одна литейная форма была найдена при раскопках здания верхнего строительного периода над «аптекой» в 1940 г. (ил. 8, 2). Предмет прямоугольной формы, сделан из

зашлифованной спрямленной стенки котла. В центре прямоугольника вырезано круглое углубление усеченно-конической формы, украшенное двумя полосками орнамента из мелких кружков. Сверху к углублению подходит трапециевидный в сечении литейный канал.

Из сохранившегося рукописного отчета В. Н. Кесаева, к сожалению, не удалось понять, в каком точно слое была найдена литейная форма. Но вся свита наслоений по керамике и монетам датируется X – первой половиной XI в.

Оба изделия использовались для отливки усеченно-конических в профиле кружков с центральным отверстием, костяные и керамические аналоги которых называют «присловидными пуговицами». Среди версий назначения этих предметов: деньги, украшения португисских ремней, пуговицы верхней одежды, – наиболее правдоподобной выглядит последняя. Так, в Новгороде некоторые из «кружков», происходящих из средневековых слоев, были снабжены продетой сквозь отверстие кожаной петлей (Седова 1981. С. 155). Интересно отметить, что такие пуговицы встречаются редко. В Евразии такие пуговицы, сделанные из бронзы или свинца, находят в слоях поселений, а вот в инвентаре почевнических погребений они крайне редки, что исключает их связь с гарнитурой пояса или сбруйными украшениями.

В самом Пайкенде одна оловянная или свинцовая пуговица, схожая с теми, что отливали в тальковых литейных формах, была найдена в верхнем уличном слое у входа в дом II на Шахристане II (Семенов, Малкиель 1997. С. 32. Рис. 88). У этого экземпляра на тыльной плоской стороне имеется литой орнамент (ил. 8, 3). Последнее, безусловно, говорит о том, что форма для отливки этого изделия была двусторочатой.

Верхний уличный слой по монетным данным и керамике может быть уверенно датирован в рамках второй трети XI в., но форма из лавки III относится к более раннему времени. Наиболее древние датированные экземпляры металлических пуговиц усеченно-конической формы известны в Пенджикенте в слоях первой половины VIII в. (Распопова 1999. С. 32. Рис. 33, 10, 11).

Сопоставление находок котлов в слоях Пайкенда показывает, что наиболее ранними являются котлы второго типа – с корпусом усеченно-конической формы, и они имеют прямое сходство с наиболее ранними образцами посуды из талькохлорита в Средней Азии в целом. Сейчас наиболее ранней находкой является часть каменного сосуда, найденного в верхнем слое городища Мунчак-тепе на Кафирнигане (Тохаристан). Авторы раскопок о датировке пишут следующее: «Датирующими являются фрагменты мисок, покрытых белой поливой с орнаментом желтого, зеленого и коричневого цветов. Эти находки, судя по аналогиям, позволяют датировать слой Мунчак I приблизительно VIII–IX в. н. э. Данная датировка находит подтверждение также в форме и размерах кирпича, из которого сложена стена» (Мандельштам, Певзнер 1958. С. 311, 312. Рис. 18). Очевидно, что дата, предложенная на уровне знаний полувековой давности, сейчас может быть скорректирована. В датированных слоях Пайкенда поливная посуда массово появляется не ранее второго десятилетия X в. В слоях до этого времени, относящихся к IX в. и первым двум десятилетиям X в., представлена только импортная иранская поливная посуда, и то в крайне малом количестве. В них же встречаются немногочисленные обломки, покрытые поташной, чаще всего зеленой поливой. В Тохаристане поливная посуда также массово появляется не ранее IX в. Таким образом, можно полагать, что слой Мунчак I, в котором была найдена часть котла, должен датироваться временем едва ли ранее конца IX в.

Однако сам котел мог быть изготовлен и в более раннее время. Прямой аналогией ему является котел, обнаруженный при раскопках омейядской резиденции ал-Фудайан Мафраке в Иордании (Byzantium and Islam 2012. Cat. 147). Последний происходит из «клада» бытовых предметов, надежно датированного VIII в. Котел украшен геометрическим орнаментом, сходным с орнаментом на котле из Мунчак-тепе, и на нем имеется сделанная почерком куфи надпись «Для Наввара», по-видимому, заказчика этого котла. К той же группе примыкает большой фрагмент котла из коллекции Б. Н. Кастальского, хранящейся в фондах Отдела Востока Государственного Эрмитажа (Инв. № СА-1379 ил. 9).

Особенностью котлов ранней группы является геометрический орнамент, покрывающий всю поверхность изделий. Эти изделия изготавливались, по-видимому, на Ближнем Востоке и явно являются импортом для территории Средней Азии.

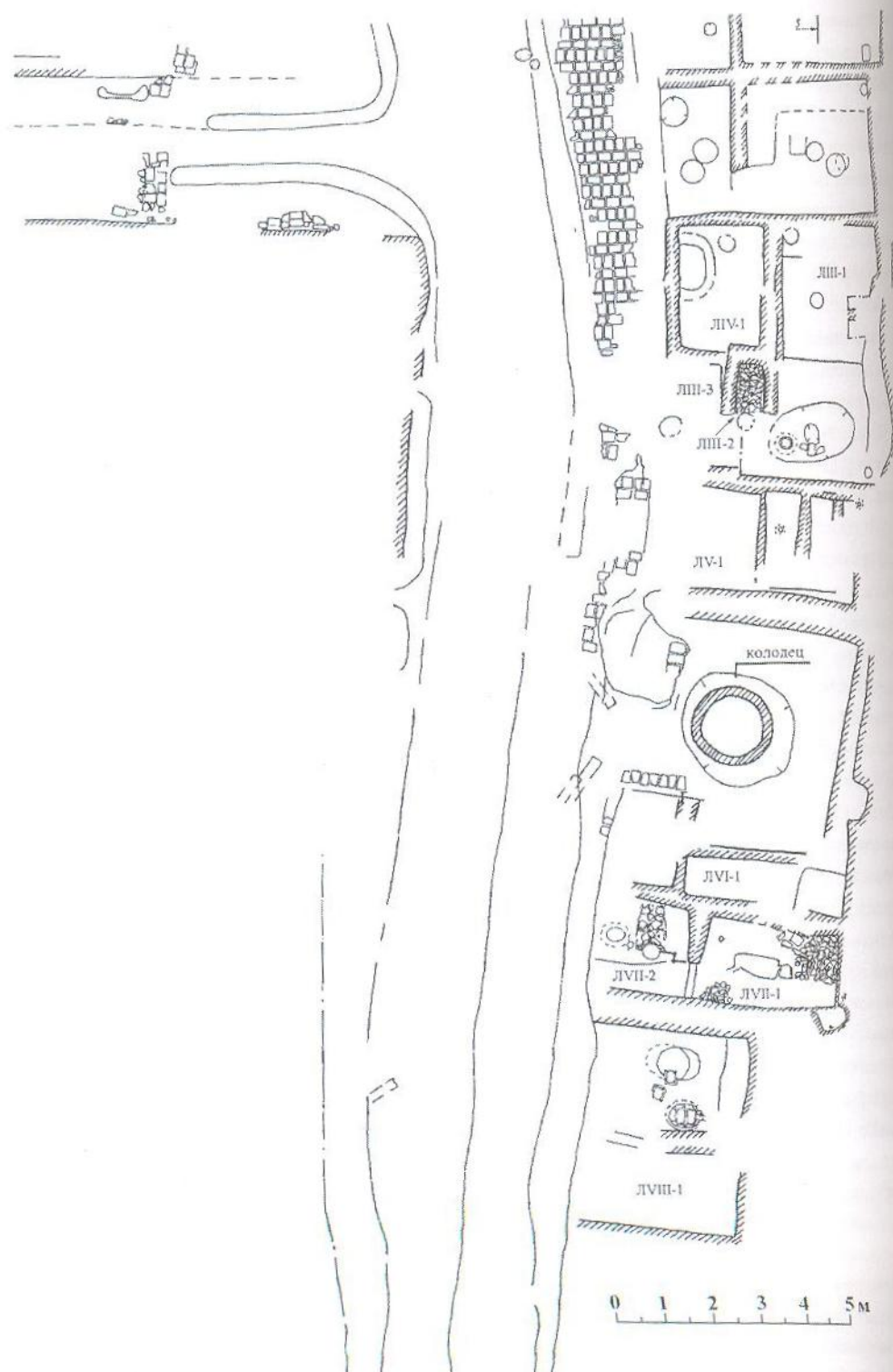
Котлы второго типа следует считать производными от выше рассмотренных сосудов. Собственно изменению подверглась лишь высота сосудов. Но этот признак нельзя считать решающим для хронологии: при изготовлении котлов размер будущего изделия, видимо, в большой мере зависел от имеющейся заготовки; можно полагать, что были и котлы с невысоким корпусом.

Данные стратиграфии также свидетельствуют о том, что котлы с усеченно-конической формой появились раньше котлов с цилиндрическим туловом. Котел усеченно-конической формы был найден в заполнении ташнау 19, в комплексе бань на Афрасиабе (Шипкина 1979. Табл. XXVII, 17). По совокупности данных Г. В. Шипкина датировала материал из этого ташнау в пределах второй половины – конца IX в. (Там же. С. 24).

Наиболее ранний крупный фрагмент котла второго типа происходит из заполнения между вторым и третьим полами в так называемом помещении с колодцем на базаре у южных городских ворот Пайкенда (ил. 4, 2). На третьем полу лежал слой угля от сгоревшего перекрытия, в котором был найден клад медных монет (МБАЭ Х. С. 14). Самые младшие монеты клада чеканены в 341 г. х./952–953 г. н. э. Никакого перерыва между использованием площади сгоревшей комнаты, в которой, судя по наличию горна, находилась кузнечная мастерская, не было. Очевидно, сразу после пожара произошел ремонт помещения и был поднят пол, в котором и находился фрагмент котла. Младшие монеты клада указывают на то, что пожар мастерской и ее ремонт произошли в 50-х гг. X в., именно этим временем следует датировать слой засыпки между вторым и третьим полами. Керамика из этого слоя несколько не противоречит предложенной датировке. Таким образом, можно утверждать, что в быту населения Пайкенда тальковые котлы были уже хорошо известны в середине X в. или несколько раньше.

Также относительно ранними стоит признать и находки фрагментов дна стеатитового котла и сковородки в верхнем слое помещения Па-8 на раскопе Шахристан I (ил. 4, 1, 3). С ними была найдена археологически целая чаша, полностью покрытая зеленой блестящей поливой местного пайкендского производства.

В настоящий момент в Пайкенде известно уже два пункта производства керамики с зеленой глазурью. Один из них, около южной стены Шахристана I, исследованный в 1939 г., не содержал остатков печи и выделялся по большому количеству находок фрагментов керамики с зеленой поливой, бракованных изделий, печного припаса. Были обнаружены и две монеты: чеканов Насра ибн Ахмада (914–943) и Абд ал-Малика ибн-Нуха, на которой сохранилась дата 347 г. х. – 958/959 г. н. э. (Якубовский 1940. С. 58, 59).



Ил. 10. Пайкенд 2005. План раскопанных лавок на улице «А» Шахристана II

В другом пункте, расположенном на Шахристане II, в одном из самых больших домов Пайкенда, была обнаружена собственно печь для обжига керамики с зеленой поливой, которая перестала функционировать в предпоследний период функционирования дома. В заполнении печи найден фельс Нуха ибн Мансура, чеканенный в Бухаре в 376 г. х./985–986 г. н. э., который мог попасть туда только в момент последней перестройки дома, которая произошла не раньше того времени, когда была выпущена монета. Таким образом, несомненно, производство керамики с зеленой поливой в Пайкенде началось никак не ранее 20-х гг. X в. и существовало вплоть до конца X в.

Имеющиеся сейчас материалы дают возможность говорить о том, что котлы первого типа появились несколько позже, чем котлы усеченно-конической формы.

Наиболее полный и сейчас наиболее ранний комплекс тальковых котлов первого типа происходит из дома X. Этот дом, а вероятней всего какое-то сооружение общественного характера, представляет собой два изолированных блока помещений, разделенных дорожкой, ведущей на улицу. В западной половине находились жилая (рис. 105) и производственная части, в последней была обнаружена уже упомянутая гончарная печь. В эту половину комплекса входил обособленный кухонный комплекс, состоящий из трех помещений. Здесь на втором сверху полу было найдено три каменных котла, то есть, они фактически составляли набор кухонной посуды одного домохозяйства (ил. 1, 3–5). Из них выделяется практически целиком сохранившийся, многократно отремонтированный котел (ил. 1, 5), в процессе реставрации снабженный сверху пластинчатой, дуговидной дужкой, откованной из железа (МБАЭ IV. С. 53–55. Рис. 105).

Верхний пол, перекрывавший горизонт с котлами, был в значительной степени разрушен. К сожалению, определенных монет найдено не было, но керамика, в том числе глазурованная (Там же. Рис. 75), дает основание к датировке этого горизонта в рамках конца X – первой трети XI в.

Один археологически целый котел (ил. 1, 7) и фрагмент другого (ил. 1, 8) были найдены в слое 9 на улице «В» (МБАЭ V. Рис. 77, 19, 20), который является повсеместно прослеженной второй сверху поверхностью улицы. Из определенных монет следует отметить два бухарских фельса: 405 г. х./1014–1015 г. н. э. выпуска и 430 г. х./1038–1039 г. н. э., на котором сохранилось имя «Йусуф⁴». Таким образом, последняя дата определяет *terminus post quem* для формирования этого слоя. Большое количество керамического боя и мусора свидетельствует о том, что улицы уже не убирались. Фактически этот уличный слой фиксирует время наиболее интенсивного процесса запустения Пайкенда, относящегося к концу 40-х – 50-м гг. XI в.

Хотя котлы с цилиндрическим туловом встречаются чаще и, исходя из имеющихся сейчас материалов, появились несколько позже котлов с усеченно-коническим корпусом, оба типа сосуществовали на последних этапах жизни города. Похожая ситуация наблюдается и в Термезе XII–XIII в., где котлы обоих типов (Пидаев 1997. С. 156, 157; ил. 4, 1, 2, 7) сосуществуют даже с заведомо более поздними по времени типами котлов из талькохлорита (Там же. Рис. 4, 3–6).

⁴ Очевидно, монета была отчеканена Йусуфом ибн Али – караханидским правителем Мавераннахра, носившим титул Арслан-илиг и происходящим из династии Хасанидов. Это был последний из правителей объединенного Караханидского каганата до его разделения на Восточный и Западный в 431–433 г. х. (Кочнев 2006. С. 189–192).

Аналогии курильницам могут иметь решающее значение только для определения возможной начальной даты появления типов. Так, курильница с круглым резервуаром с пилястрами, аналогичная найденной в верхнем слое на улице «А» (ил. 5, 4), найдена в Ал-Рабаде, где датируется, правда, очень широко – в пределах VII–X в. Такая же по форме курильница была найдена в Сирафе, при изучении дома на раскопе «F», а точнее, видимо, караван-сарая, датированного в пределах X–XI в. (Whitehouse 1969. Pl. V, b). Курильница, аналогичная курильнице с квадратным резервуаром (ил. 5, 1), есть среди находок из Мерва или Нисы (Кураева 1969. Рис. 3). Однако датировка ее лишь очень общая, так как она происходит из сборов на поверхности. В коллекции Б. Н. Кастальского в Государственном Эрмитаже также хранятся обломки стеатитовых курильниц, но о происхождении их можно лишь догадываться.

По публикациям нам неизвестны аналогии светильникам в форме утюжка, поэтому время появления и бытования этого типа светильников устанавливаются на собственных материалах Пайкенда. Светильники в форме утюжка, как правило, происходят из слоев первой половины XI в. Но наиболее маленький светильник (ил. 6, 3) найден в смешанном слое второй половины X – начала XI в., отложившегося в небольшом внутреннем дворе одного из домов на Южном пригороде.

Многорожковые светильники, как и светильники в форме утюжка, происходят из слоев первой половины XI в. Обычно такие светильники из талька характерны для более позднего времени. Практически целый комплект такой «люстры» был найден на городище Бограхан в Северном Хорезме (Туребеков, Сапаров 2007. Рис. 1). Наиболее ранние экземпляры каменных многорожковых светильников известны на Ближнем Востоке. Целый экземпляр, датированный авторами раскопок VIII–X в., был найден в ходе изучения городища Ал-Мабийат в Саудовской Аравии (Roads of Arabia 2010. Cat. 281). Г. В. Шишкина отмечает, что уже в конце X – начале XI в. появляются первые керамические светильники с круглым резервуаром, с крюком для подвешивания в центре и рожками, расположенными по всей окружности (Шишкина 1979. С. 19). В Средней Азии эти светильники начали активно входить в быт населения только при Караханидах. Очень небольшое количество каменных многорожковых подвесных светильников-люстр показывает, что эта форма явно была привнесена с Ближнего Востока, и такие светильники использовались, по-видимому, для освещения больших общественных зданий.

Сопоставляя формы утвари, сделанной из разных материалов: металла, керамики, отчасти стекла и камня, – можно заметить, что нередко они совпадают. Очевидно, что здесь имеет место процесс влияния изделий, выполненных из дорогих материалов, на изделия из более дешевых. Этот процесс наиболее часто иллюстрируется керамическими изделиями, подражающими дорогим металлическим сосудам, однако он нашел отражение и в камне. Очевидно, что художественные изделия из металла сложных форм и с богатым орнаментом выполнялись высокопрофессиональными мастерами, работавшими на потребу зажиточной части общества. При наличии местного ресурса – природных месторождений талькохлорита, в регионе появлялись аналогии металлическим вещам, выполненные в камне, как это было с курильницами. Однако на изготовление каменных изделий затрачивалось все-таки больше времени, чем на пример, производство изделий из глины и даже стекла. Определенно, такой дешевый и пластичный материал как глина, посуда и изделия из которого были доступны всем

слоем общества, отражал очень быстрое появление новых форм. В керамике несомненно копировались более дорогие изделия из камня. В Хорезме известны явные гончарные подражания стеатитовым котлам. Не исключено, что глиняные многорожковые светильники с круглым резервуаром, появившиеся не ранее X в., также копируют более дорогие каменные.

Любопытно, что циркульный орнамент с полосами кружков с точкой в центре вообще характерен для изделий из твердых материалов X–XI в. Так, он преобладает на востяных пуговицах, встречается на изделиях из металла и даже керамики.

Каменные котлы и их фрагменты, найденные в Пайкенде, количественно превосходят все вместе взятые находки фрагментов металлической посуды. Металлическая посуда была дороже, и при оставлении города жители брали ее с собой, тогда как довольно тяжелые каменные котлы (которыми пользовались даже рядовые горожане), как правило, все отремонтированные, оставляли в покидаемых домах.

Мастерские по ремонту тальковых котлов

Тальковые изделия в Пайкенде, безусловно, являются привозными, но в городе были открыты мастерские по ремонту тальковых котлов, которые важно рассмотреть, поскольку подобных сооружений пока не найдено нигде в Мавераннахре.

От южных городских ворот Пайкенда, расположенных в восточной стене Шахристана II, отходит магистральная улица, идущая в северном направлении. Улица эта тянется вдоль западной стены Шахристана I по отсыпанному в VIII в. рву. С восточной стороны этой улицы за три полевых сезона (2004–2006) было исследовано четырнадцать лавок разного назначения. Занятием хозяев двух из них явно был ремонт посуды, главным образом стеатитовых котлов.

Одна из лавок (V) находилась рядом с перекрестком (ил. 10; 11a). Стены и пол верхнего периода, как, впрочем, и все сооружения последнего этапа жизни в Пайкенде, были в очень большой степени разрушены ямами, образовавшимися от выборки жженого кирпича. Фасадные стены всех лавок, сложенные когда-то из него, были полностью разобраны, осталась только траншея, проходящая вдоль всего базара. Край этой траншеи маркировал былую длину лавок, которые, как правило, были вытянуты по линии ВЗ.

В последний период своего существования лавка V состояла из двух маленьких помещений, в период, ему предшествовавший, она, по-видимому, была однокомнатной. Именно тогда она была связана с ремонтом каменных котлов. Размер лавки в этот период был не менее чем $4,6 \times 2,2$ м.

Заполнение между верхним и нижним полом состояло из слоя угля с большим содержанием фрагментов железных заклепок, гвоздей, проволоки, обрезков железа, а также обрезков и заусенцев из бронзы. Из этого слоя происходит несколько железных изделий, в том числе железная пряжка и, что наиболее важно, два бронзовых стержневидных орнамента. Один из них заканчивается несколько изношенной в процессе использования гребенкой (ил. 8, 4), второй – ромбовидным острием (ил. 8, 5). Последний мог использоваться как для нанесения резного выемчатого орнамента, так и прочерченного, в том числе и на изделиях из талькохлорита. Также из этого слоя происходят девять фрагментов стеатитовых котлов со следами ремонта.

В центре помещения, под восточной стенкой более позднего сырцового ящика ташнау, было открыто чашевидное углубление диаметром 0,39 м, заполненное углем, и подходящие к нему какие-то конструкции, заглубленные ниже уровня пола. Практически

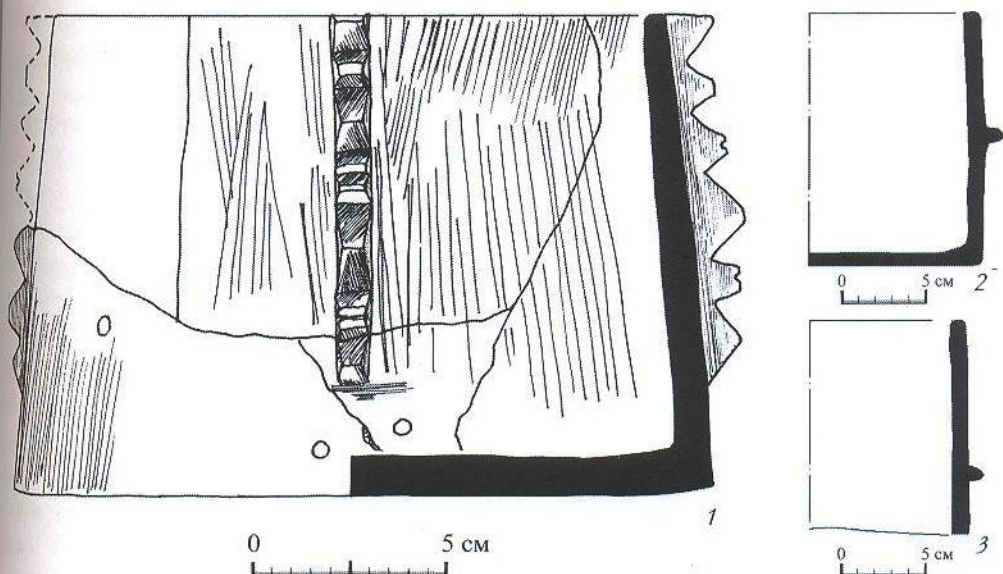


а



б

Ил. 11. Мастерские по ремонту талькохлоритовых котлов (лавки V и VI).
а — лавка V, вид с юго-востока. Стрелкой указан горн и место скопления обломков талькохлоритовых котлов; б — лавки VI и VII, вид с востока. Стрелкой указан горн в лавке VI



Ил. 12. Талькохлоритовые котлы Хорезма.

1 – Джигербент, из субструкционной клетки (Вишневецкая 2001. С. 36); 2, 3 – Хайван-кала, раскопки М. М. Мамбетуллаева

без сомнений это сооружение может быть интерпретировано как горн, использовавшийся для нагревания железа. В части фрагментов котлов находились железные скрепы, которые могли быть установлены в этой же мастерской.

Другое помещение – помещение с колодез (в последний период существования в нем находился колодез, выложенный из жженого кирпича) – занимало площадь $5,8 \times 5$ м. В его юго-восточном углу находилась вытянутая вдоль южной стены плохо сохранившаяся выгородка размером $3,4 \times 0,86$ м (ил. 10, 116) с толщиной стен 18–20 см, условно названная лавкой VI. В ее центре открыта конструкция в виде тщательно обмазанной, сильно обожженной ямки диаметром 9 см, глубиной до 13 см. С севера к ямке, видимо, подходила керамическая трубка, наклонный отпечаток которой был хорошо различим. Рядом с ямкой зачищена лунка диаметром 30 и глубиной до 20 см с обожженными докрасна стенками (ил. 116), заполненная углем и золой. Скорее всего, все это представляет собой остатки небольшого горна. На полу у лунки было найдено около пятидесяти фрагментов стеатитовых котлов (МБАЭ VII. Рис. 45), принадлежавших не менее чем девяти экземплярам.

Вероятно, ремонт тальковых котлов был одним из главных занятий мастеров, работавших в лавках-кузницах. Но также очевидно, что они могли заниматься и другим ремонтом. Надо отметить, что здесь мы впервые фиксируем находящиеся на базаре специализированные мастерские по ремонту посуды. Такая ситуация, когда лавки по ремонту посуды находились на базарах, сохранялась в некоторых местах Средней Азии вплоть до 80-х гг. XX в., т. е. времени, когда фаянсовой и фарфоровой посуды повседневного обихода стало много, и ремонтировать чайники и ляганы стало уже нецелесообразно, проще было купить новые.

Найденные в мастерских Пайкенда котлы по форме тулова относятся к обоим типам тальковых котлов и не имеют в профиле кривых линий. Последний факт позволил объяснить одну весьма интересную деталь.

На одном из пайкендских котлов отчетливо видна заплатка, сделанная из части другого сосуда (ил. 1, 4); некоторые сосуды имели и железные заплатки (ил. 1, 5). В лавке VI были обнаружены заготовки прямоугольной формы, выточенные из обломков и имеющие просверленные сквозные отверстия (ил. 3, 11). Последний факт является безусловным свидетельством того, что мастер, ремонтирующий котлы, не выбрасывал обломки, а подтачивая их, подгонял между собой, стягивая фрагменты бронзовыми или железными скрепами. Таким образом, в конце работы получалась целая форма, сделанная из обломков разных сосудов. Однако герметичность сосудов была неполной. Поэтому дальше шел следующий этап работы: щели и стыки смазывались специальным глиняным раствором, после чего отремонтированный сосуд обжигали, получая таким образом целую поверхность.

Данную особенность удалось выявить при изучении талькохлоритовых котлов золотоордынского времени из собрания Краеведческого музея г. Нукус (Каракалпакстан). Было обращено внимание на то, что под копотью некоторых котлов, которые считались абсолютно целыми, находились трещины и заплатки, покрытые глиняным раствором. В свою очередь толстый слой нагара, образовывавшийся в процессе приготовления пищи, служил дополнительным средством герметизации резервуаров.

Однако на пайкендских котлах, в том числе и на целом экземпляре, глиняного раствора заметно не было. И. К. Малкиель предположил, что в отремонтированных котлах могли готовить и разогревать пищу, вставляя внутрь керамические тонкостенные котелки, в то время как каменный котел ставился в тандыр⁵.

Решающее значение для датирования лавок имеет бухарский дирхем 404 г. х./1013–1014 г. н. э., найденный в кладке северной стены лавки V. Таким образом, эта находка определяет время *terminus post quem* для строительства поздней стены этой лавки. В самой лавке V на верхнем полу был найден еще один дирхем 413 г. х./1023–1024 г. н. э. Следовательно, мастерские по ремонту котлов работали до второго-третьего десятилетия XI в., уже фактически на последнем этапе жизни города. После этого времени городская инфраструктура уже не обновляется. В 30-е гг. XI в. часть строений Пайкенда оказывается заброшенной, в лавках накапливаются обильные мусорные слои, покидаются жилища расположенного рядом квартала. К 40–50-м гг. XI в. кризис водоснабжения города, приводит к его окончательному запустению. В середине XII в. Ас-Сам'ани застаёт на его развалинах лишь несколько туркменских семей (Ас-Сам'ани 2003. С. 72).

Весьма интересным является вопрос, откуда же могли поступать изделия и утварь из талькохлорита в Пайкенд и вообще в Согд в IX–XI в.?

Традиционно считается, что местом производства изделий из талькохлорита является Хорасан, где в горах недалеко от Туса известны крупнейшие на Среднем Востоке месторождения этого камня, отмеченные в средневековых письменных источниках (Прутер 1975. С. 224). Таким образом, относительно частое нахождение в Пайкенде изделий из талькохлорита может свидетельствовать о довольно прочной связи с культурой Хорасана. Надо полагать, что основной импорт каменной посуды и изделий в указанный временной промежуток происходил отсюда же, откуда пришел и новый стиль в керамике IX в.

⁵ О таком назначении отремонтированных котлов И. К. Малкиель докладывал на заседании Отдела Востока Государственного Эрмитажа в 2000 г. Доклад остался неопубликованным.

Картирование находок каменных изделий в Средней Азии показывает, что они сосредоточены в южных и западных областях, тогда как на северо-западе найдены лишь единичные фрагменты. В Семиречье посуда из камня пока не обнаружена.

Месторождений талькового камня вблизи Пайкенда и вообще в Бухарском оазисе нет. Е. Б. Прутер называет два месторождения талькового камня в горах Нуратау. Однако определить время начало их разработки он не смог из-за отсутствия датирующего материала, отметив, что: «Мягкий, легко крошащийся тальк Бибикона (одно из месторождений талька в Нуратау – А. Т.), в отличие от султануиздагских пород, не пригоден для изготовления каменной посуды» (Пругер 1975. С. 229). Таким образом, годным для изготовления посуды можно признать лишь тальк из месторождений Хорезма в горах Султануиздага (Манылов 1972. С. 17, 18; Прутер 1975. С. 225–228).

О времени начала разработки талькового камня в Султануиздаге нет единого мнения. Ю. П. Манылов и один из авторов этой работы, специально изучавшие выработки талькового камня Зинельбулаксай и Казан-Тау, на основании подъемного керамического материала относят основной период функционирования их к XII–XIV в. В свою очередь, Е. Б. Прутер считал, что выработки начали функционировать уже с IX в. (Пругер 1975. С. 231). Это мнение было поддержано Н. Ю. Вишневской на основании материалов из Джигербента. Здесь в ходе раскопок одной из субструкционных клетей, построенных при расширении площади города в Средневековье и являвшихся своеобразным арматурным поясом для цоколя крепостных стен, было найдено около 200 целых керамических сосудов. В комплексе отмечены и тальковый котел с усеченно-коническим корпусом, украшенный «вертикальными выступами с зубчатым краем»⁶ (ил. 12, 1) и три керамических котла усеченно-конической формы, которые, по справедливому заключению Н. Ю. Вишневской, были сделаны в подражание каменным котлам (Вишневская 2001. С. 36. Рис. 11, 1).

Таким образом, не исключено, что султануиздагские месторождения талькохлорита могли начать спорадически разрабатывать уже в IX–X в. Решению этого вопроса могли бы помочь находки в области нижнего течения Амударьи, однако слои IX–XI в. на местных памятниках мало исследованы, и даже полученные материалы этого времени в научный оборот введены весьма ограниченно (Неразик 1976. С. 182). Археологически целый котел и крупный фрагмент еще одного были найдены М. М. Мамбетуллаевым при раскопках Хайван-калы⁷, очевидно в слоях XI–XII в. Оба имеют цилиндрическое тулово (ил. 12, 2, 3) и по форме практически идентичны котлам первого типа из Пайкенда.

Таким образом, сейчас нет материалов для того, чтобы датировать начало разработки талькового камня в горах Султануиздага. Приведенные же в статье Е. Б. Прутера рисунки форм посуды, которая была найдена здесь на древних месторождениях, более подходят на изделия золотоордынского времени. Очевидно, сейчас следует присоединиться к мнению Ю. П. Манылова о том, что основные месторождения талькового камня в Султануиздаге начали широко разрабатываться не ранее XII в. (Манылов 1972. С. 17, 18), очевидно, даже ближе к его концу. Этот факт подтверждается находками большого

⁶ В монографии Н. Ю. Вишневской рисунок этого котла по каким-то причинам не приведен. Сам котел хранится в собрании ГМВ, и авторы сердечно благодарят Н. Ю. Вишневскую за возможность опубликовать рисунок этого котла.

⁷ Авторы благодарят профессора М. М. Мамбетуллаева за возможность использования неопубликованных материалов.

количества тальковых изделий в слоях средневековых городищ Хорезма, и, что наиболее важно, следов обработки камня и незаконченных каменных изделий на Джаншык-кале (Доспанов 1991. С. 83).

На памятниках Хорезма рубежа XII–XIII в. котлы имеют иную форму, выработанную уже в самом Хорезме (Кдырниязов 1981. С. 130. Рис. 4, 4; 5, 5). Для этого времени характерны котлы, имеющие корпус усеченно-конической формы с мягким, скругленным переходом ко дну. Их отличительной чертой является наличие на венчике четырех выступов-ручек, которые обычно имеют форму половины шестигранника. В нижней части ручки довольно часто несут выделенную трапецевидную подставку, которая больше собственно выступов. Как правило, под подставками ручек нанесен орнамент из проточенных горизонтальных полос, которые с обеих сторон ограничены полосами, проточенными вертикально. Эти изделия массово встречаются, помимо собственно Хорезма, в зонах активной хорезмшахской колонизации: на северо-восточном Устюрте (Ягодин и др. 1978. С. 219, 220. Рис. 73, 11), нижней Сырдарье (Толстов 1962. Рис. 183, 9), доходя до среднего течения этой реки (Смагулов 2011. С. 253. Рис. 15). Котлы такого типа известны уже на золотоордынских памятниках в низовьях Волги (Зиливинская 2008. Рис. 39, 3). Также в это время появляются уже котлы с полусферическим туловом, которые по венчику снабжены выступами-ручками. К золотоордынскому времени относятся хорезмийские котлы с треугольным в сечении венчиком, профилированным наружу и наверху имеющим довольно широкую площадку.

Таким образом, в настоящий момент появление посуды и утвари из талькового камня в Пайкенде X–XI в. логичнее связывать с ближневосточными, вероятнее всего, хорасанскими влияниями на культуру Мавераннахра.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Ас-Сам'ани 2003
Ас-Сам'ани. Книга ал-ансаб – книга генеалогий / пер. Ш. С. Камалидинова // МЭИТНЦА. Ташкент, 2003.
- Вишневская 2001
Вишневская Н. Ю. Ремесленные изделия Джигербента (IV в. до н. э. – XIII в. н. э.). М., 2001.
- Доспанов 1991
Доспанов О. Т. О некоторых результатах раскопок Джаншык-калы в 1987–1989 гг. // Новые открытия в Приаралье. М., 1991. Вып. 2.
- Зиливинская 2008
Зиливинская Э. А. Раскопки усадьбы на Красном бутре Селитренного городища // Степи Европы в эпоху Средневековья. Золотоордынское время. Донецк, 2008. Т. 6.
- Кдырниязов 1981
Кдырниязов М. Ш. Ремесло Хорезма в XIII–XIV вв. // Археологические исследования в Каракалпакии. Нукус, 1981.
- Кураева 1969
Кураева А. А. Средневековая привозная каменная утварь из Мерва и Нисы // ТЮТАКЭ. Ашхабад, 1969. Т. 14.
- Кочевники Евразии 2012
Кочевники Евразии на пути к империи. Из собрания Государственного Эрмитажа : кат. выст. СПб., 2012.

Кочнев 2006

Кочнев Б. Д. Нумизматическая история Караханидского каганата (991–1209 гг.). Источниковедческое исследование. М., 2006. Ч. 1.

Культура и искусство 1991

Культура и искусство древнего Узбекистана : кат. выст. М., 1991.

Мандельштам, Певзнер 1958

Мандельштам А. М., Певзнер С. Б. Работы Кафирниганского отряда в 1952–1953 гг. // ТТАЭ. Т. 3. МИА. М. ; Л., 1958. № 66.

Маньолов 1972

Маньолов Ю. П. Археологические памятники Султануиздага эпохи античности и Средневековья / Автореф. дисс. на соискание ст. канд. ист. наук. Ташкент, 1972.

Неразик 1976

Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.) // ТХАЭЭ. М., 1976. Вып. 9.

Пидаев 1997

Пидаев Ш. Р. Кухонная посуда Термеза XII – начала XIII вв. // ИМКУ. Самарканд, 1997. Вып. 28.

Прутер 1975

Прутер Е. Б. К истории разработки тальковых пород в Узбекистане // СА. 1975. № 2.

Распопова 1999

Распопова В. И. Металлические изделия из Пенджикента. СПб., 1999.

Седова 1981

Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. М., 1981.

Смагулов 2011

Смагулов Е. А. Древний Сауран. Алматы, 2011.

Толстов 1962

Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.

Туребеков, Сапаров 2007

Туребеков М., Сапаров Н. Тальковый осветительный прибор из городища Бограхан // Вестник МИЦАИ. Самарканд, 2007. Вып. 6.

Шипкина 1979

Шипкина Г. В. Глазурованная керамика Согда. Ташкент, 1979.

Ягодин и др. 1978

Ягодин В. Н., Бижанов Е., Маньолов Ю. П., Юсупов Н. Древняя и средневековая культура Юго-восточного Устюрта. Ташкент, 1978.

Якубовский 1940

Якубовский А. Ю. Краткий полевой отчет о работах Зарафшанской археологической экспедиции Эрмитажа и ИИМК в 1939 г. // ТОВЭ. Л., 1940. Т. 2.

Byzantium and Islam 2012

Byzantium and Islam: age of transition 7th – 9th Century / ed. by H. Evans with B. Rattlif. New York, 2012.

Roads of Arabia 2010

Roads of Arabia. Archaeology and History of the Kindom of Saudi Arabia. Exhibition catalog / ed. by Ali I. Al-Chabban, B. Andre-Salvini et al. Paris, 2010.

Whitehouse 1969

Whitehouse D. Excavation at Siraf: second interim report // Iran. 1969. Vol. 7.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ОТЧЕТЫ БАЭ ГЭ И ИА АН РУЗ ИМ. Я. ГУЛЯМОВА

МБАЭ I

МБАЭ. Вып. I. Раскопки в Пайкенде в 1999 г. / Г. А. Семенов, Д. К. Мирзаахмедов [и др.]. СПб., 2000.

МБАЭ IV

МБАЭ. Вып. IV. Раскопки в Пайкенде в 2002 г. / Г. А. Семенов, Д. К. Мирзаахмедов [и др.]. СПб., 2003.

МБАЭ V

МБАЭ. Вып. V. Раскопки в Пайкенде в 2003 г. / Г. А. Семенов, Д. К. Мирзаахмедов [и др.]. СПб., 2004.

МБАЭ VII

МБАЭ. Вып. VII. Отчет о раскопках в Пайкенде в 2005 г. / Г. А. Семенов, Д. К. Мирзаахмедов [и др.]. СПб., 2006.

МБАЭ X

МБАЭ. Вып. X. Отчет о раскопках в Пайкенде в 2008 г. / А. И. Торгоев, Д. К. Мирзаахмедов [и др.]. СПб., 2009.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ОТЧЕТЫ:

Галиева З. С., Наймарк А. И., Эрлих В. Р. Работы на площадке перед цитаделью древнего Пайкенда. Отчет экспедиции ГМВ за 1985 г. М., 1986. Архив Института Археологии им. Я. Г. Гулямова. Ф. 2. Оп. 1. Д. 36.

Семенов Г. А., Малкиель И. К. Отчет о раскопках Пайкенда в 1990 г. СПб., 1991. (Архив сектора Средней Азии, Кавказа и Крыма ОВ ГЭ).

Семенов Г. А., Малкиель И. К. Отчет о раскопках в Пайкенде в 1996 г. СПб., 1997. (Архив сектора Средней Азии, Кавказа и Крыма ОВ ГЭ).

Семенов Г. А., Малкиель И. К., Адылов Ш. Т., Омаров Н. М. Отчет о раскопках в Пайкенде в 1998 г. СПб., 1999. (Архив сектора Средней Азии, Кавказа и Крыма ОВ ГЭ).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
В. В. Мокробродов (<i>Ташкент</i>) НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ОБ ОДНОМ ИЗ ЗОРОАСТРИЙСКИХ ОБРЯДОВ	13
Э. де ля Вассьер, Ф. Марки, Дж. Б. Сармьенто (<i>Париж, Кабул</i>) ВОЕННЫЙ ЛАГЕРЬ КУШАН ВОЗЛЕ г. БАКТРЫ	23
А. В. Омельченко (<i>Санкт-Петербург</i>) КАЗАРМА НА ЦИТАДЕЛИ ПАЙКЕНДА	37
А. Н. Горин (<i>Ташкент</i>) КУШАНСКИЕ МОНЕТЫ ИЗ БУХАРСКОГО ОАЗИСА	53
Дж. Я. Ильясов (<i>Ташкент</i>) ПОЯСНЫЕ НАБОРЫ КОЧЕВНИКОВ СОГДА	63
О. Ю. Арипджанов (<i>Ташкент</i>) ИГРАЛЬНАЯ КОСТЬ С ГОРОДИЩА КЫЗЫЛ-КЫР	68
С. Штарк, Д. К. Мирзаахмедов (<i>Нью-Йорк–Самарканд</i>) ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ОАЗИСНОЙ СТЕНЫ БУХАРСКОГО СОГДА «ДЕВОР-И КАМПИРАК»	77
Chiara Silvi Antonini (<i>Rome</i>) UCH KULAKH, A CASTLE IN THE BUKHARA OASIS	100
Ciro Lo Muzio (<i>Rome</i>) EARLY SOGDIAN PAINTING FROM UCH KULAKH (BUKHARA OASIS)	109
А. А. Мусакаева (<i>Ташкент</i>) МОНЕТЫ С АЛТАРЕМ ИЗ «ТУРАНСКОЙ» СЕРИИ	120
П. Б. Лурье (<i>Санкт-Петербург</i>) ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О БУХАРСКОМ ДИАЛЕКТЕ СОГДИЙСКОГО ЯЗЫКА	127
Ш. Т. Адылов (<i>Ташкент</i>) К ВОПРОСУ ПРОИСХОЖДЕНИЯ НАЗВАНИЯ «БУХАРА»	143
В. Г. Шкода (<i>Санкт-Петербург</i>) ЕЩЕ РАЗ О РОСПИСИ СИНЕГО ЗАЛА ВАРАХШИ	158
А. И. Наймарк (<i>Нью-Йорк</i>) КОГДА БЫЛ РАЗРУШЕН ВАРАХШСКИЙ ДВОРЕЦ БУХАРХУДАТОВ?	164
В. С. Соловьев (<i>Елец</i>) ВОЗВРАЩАЯСЯ К ДАТИРОВКЕ ЗАМКА БАЛААЛЫКТЕПА	171
В. М. Соколовский (<i>Санкт-Петербург</i>) ДОПОЛНЕНИЕ К МОНОГРАФИИ «МОНУМЕНТАЛЬНАЯ ЖИВОПИСЬ ДВОРЦОВОГО КОМПЛЕКСА БУНДЖИКАТА»	176

Н. В. Семенов (<i>Санкт-Петербург</i>) ДВЕРНАЯ КОНСТРУКЦИЯ С ЦИТАДЕЛИ ГОРОДИЩА ХИСОРАК	188
В. А. Лившиц (<i>Санкт-Петербург</i>) НЕСКОЛЬКО СОГДИЙСКИХ НАДПИСЕЙ ИЗ ПЕНДЖИКЕНТА	202
Е. А. Смагулов (<i>Алматы</i>) НАХОДКИ ИЗ КЫЗЫЛ-КЫРА И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ КЕРАМИЧЕСКИЕ КУРИЛЬНИЦЫ СРЕДНЕЙ СЫРДАРЬИ	206
Е. А. Смагулов, А. А. Ержигитова (<i>Алматы–Шымкент</i>) БРОНЗОВЫЙ АМУЛЕТ ИЗ СИДАКА	212
Б. А. Железняков, П. Н. Петров (<i>Алматы</i>) РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ МОНЕТЫ С ГОРОДИЩА ЖУАНТОБЕ	218
Н. Ж. Сапаров, А. И. Торгоев (<i>Нукус–Санкт-Петербург</i>) ТАЛЬКОХЛОРИТОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ ПАЙКЕНДА IX–XI ВВ. (К ВОПРОСУ О БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ ВЛИЯНИЯХ В МАВЕРАННАХРЕ)	224
А. О. Смирнова (<i>Санкт-Петербург</i>) КОМПЛЕКС НЕГЛАЗУРОВАННОЙ КЕРАМИКИ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ЭТАПА СУЩЕСТВОВАНИЯ ПАЙКЕНДА	249
Н. Д. Собиров (<i>Бухара</i>) ЮЖНЫЙ РАБАТ ПАЙКЕНДА	267
С. Мирзаахмедов (<i>Самарканд</i>) ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ О ПЛАНИРОВКЕ РАБАТА № 4 ПАЙКЕНДА	278
Г. И. Богомолов, С. Р. Ильясова (<i>Ташкент</i>) О КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ БУХАРЫ И ЧАЧА (НА ПРИМЕРЕ ШТАМПОВАННОЙ КЕРАМИКИ)	287
Д. К. Мирзаахмедов, Б. Х. Матбабаев (<i>Самарканд</i>) ГЛАЗУРОВАННАЯ КЕРАМИКА КУВЫ XII – НАЧАЛА XIII В.: К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ТРАДИЦИЙ ФЕРГАНСКОГО ГОНЧАРСТВА	297
В. С. Флёров (<i>Москва</i>) СЕМИКАРАКОРСКАЯ КРЕПОСТЬ. К ПРОИСХОЖДЕНИЮ ФОРТИФИКАЦИИ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА	318
Э. Д. Зиливинская (<i>Москва</i>) СРЕДНЕАЗИАТСКОЕ ЗОДЧЕСТВО И МЕМОРИАЛЬНЫЕ ПОСТРОЙКИ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ	338
Е. Г. Некрасова (<i>Ташкент</i>) СТАРЫЕ ПЛАНЫ БУХАРЫ	359
Г. Н. Курбанов (<i>Бухара</i>) ВАКФНЫЕ ПЕЧАТИ БУХАРЫ	377
Н. Д. Шагалина (<i>Ташкент</i>) ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАЙКЕНДА	381
О. М. Ястребова, А. Д. Притула (<i>Санкт-Петербург</i>) МУХАММАД БАШШАРА: ОБРАЗ СВЯТОГО В ИСТОРИЧЕСКИХ, ФОЛЬКЛОРНЫХ, ЛИТЕРАТУРНЫХ И ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ	392
Резюме	400
Принятые сокращения	412